

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Вера Кузьминична, ваше имя — Вера — вам помогает?

— Конечно. Оно мне подходит, по-моему. Я не мыслю себя ни Клавой, ни Варварой. Более того, мне кажется (и это самое странное), что я нахожусь под чьим-то крылом. Буквально начиная со "Сказания о земле сибирской", которое в моей жизни появилось как какое-то чудо. Я не то что хорошенкая, красавица девочка была. Наоборот — очень простенькая, ни на что особо не рассчитывающая. И вдруг — снимаюсь в одной из главных ролей у Пыррева! Согласитесь же, что это чудо. И дальше, я считаю еще одно чудо: меня приглашают в Театр сатиры. Хотя мне было сложно — ведь я никогда не была комедийной актрисой. Не знала ни сатиру, ни сам Театр сатиры.

— А какие у вас отношения с юмором и тем более с сатирой, которой вы служите без малого 60 лет?

— Я бы сказала — так себе. Хотать я хохоту, но сама чего-то смешного рассказать не могу. Ни одного анекдота не помню. Никогда.

— Ай-яй-яй, Вера Кузьминична. За столько-то лет можно было бы научиться.

— Вот не получилось. Но спокойно живу — какая есть, такая есть. И это тоже странное чудо. Ведь нет у меня смешного таланта, я вообще в компании очень скучная.

— Но с такой серьезной дамой в вашем веселом театре смешные истории, надеюсь, происходили?

— Да нет, пожалуй. Вот Андрюша Миронов — он очень много смеялся. И Миша (Михаил Державин. — М.Р.) — мастер всех рассмешить. Я видела, что он на сцене с Андреем проделывал: скажем, крепе, то есть волосы такие, на грудь наклеивал и вдруг в неожиданный момент Андрюша их показывал. Знаете, как это выглядело? Он поворачивался спиной к залу, но так, чтобы Андрей смотрел на него и раскрывал рубаху или мундир, а под ним жутко волосатая грудь. И Андрюша плывет, плачет, уходит за кулисы и по дороге говорит сквозь зубы: "Сволочь!"

— А вы?

— А я — нет. Я только: "Тихо, тихо". Как бы успокаиваю его. Вспомнить, как люди смеялись, могу. А как сама смешилась — извините.

— Вы дама строгих правил, я поняла.

— Да-да. Это, наверное, скучно. Я же понимаю, что от нашего театра и от любого артиста ждут чего-то веселого... А я... не очень умею.

— Как вы сегодня себя позиционируете — пожилая актриса, заслуженная?

— Молодая актриса. (Смеется.) Это шутка, но я сама все время удивляюсь: неужели это произошло со мной? Я ничего не нахожу в себе 80-летнего. Конечно, я меньше куда-то ношусь, но если мне хочется смотреть спектакль, я поеду далеко и буду смотреть. Если мне понравился актер или актриса, могу подарить цветы, сказать: "Как вы чудесно играете!"

В магазине... Вот где действительно бывает смешно. Я увижу что-нибудь этакое, а продащица спрашивает: "Вы это кому покупаете?" — "Себе". — "А, тогда мы вам сейчас покажем..." И приносит что-то такое серое, унылое. Когда я представляю, что это надену, я точно буду лет на восемьдесят и выглядеть. "Нет, это очень скучно". А они: "А что вы хотите?" — "Хочу, чтобы было приятно, занятно".

Все-таки внешность очень обманчива. С первых ролей она кажется щекастой простушкой, истово зарабатывающей трудоводни. Эту иллюзию высоко ценит правительство, ошастливливая ее, 20-летнюю, Сталинской премией. Она в жизни хроническая лентяйка, а на сцене неожиданно предстает графиней. Что это? Это феномен, имя которому — Вера. У замечательной актрисы Театра сатиры Веры Васильевой — юбилей.

В БОРЬБЕ
ЗА ДЕЛО
АКТИСЫ

ЛЕННИ

Вера
ВАСИЛЬЕВА:
"Я — белоручка!
И мне нравится,
что я ничего
не делаю!"

Спектакль "Ждать".
(Вера Васильева —
Олег Вавилов).

— И что вы купили такого занятого к юбилею?

— Я купила в Париже платье — открытое.

— Сзади, я надеюсь?

— Нет, со всех сторон. Но я его чем-нибудь прикрою. Я ведь понимаю, сколько мне лет, но мне очень хотелось если и рискнуть на юбилей, то чтобы получился праздник. Оно светлое, цвета слоновой кости. Это смело, вы считаете?

— Совсем нет, особенно открытое со всех сторон.

— Я всякие иногда фокусы для себя придумываю. Шляпки. На юбилей их будет несколько штук.

— Вера Кузьминична, вы трусиха?

— Трусиха, конечно. Для меня решиться на что-то... И в то же время знаете, как бывает? Сначала вздрагиваю — ой, невозможно, а потом — ну, а может, все-таки можно?

— Я к чему, Вера Кузьминична, — о трусости? Не считите это за хамство или провокацию, но многие актрисы (особенно на Западе) для поддержания молодости и формы заводят связи с молодыми людьми. Лично я их не осуждаю. "Сансет-бульвар" — вот вам, пожалуйста.

— Чудная роль, между прочим. Я мечтала о ней. Но в жизни, наверное, я на это бы не решилась. Даже не от трусости. Я на сцене расцветаю, когда я люблю кого-нибудь. Вот я играла спектакль "Блажь". Моим партнером был 25-летний мальчик. Но в жизни... Я вообще не способна ни на какой роман. У меня все прошло.

— Но это же скучно. Или вы не актриса?

— Я чувства испытываю на сцене. Абсолютно все.

— Вы себя уговариваете или меня?

— Я хочу, чтобы вы мне поверили. Вот почему я ошибаюсь в своем возрасте? Я играю роли, где люблю, где меня любят, и полное ощущение такое: я все та же, и меня так же любят, как и прежде. А в жизни я так не хочу.

— Вы однолюбу?

— Я однолюбу. Поэтому я так нежно отношусь к своему мужу, потому что понимаю, что многого ему недодала.

— А однолюбом хорошо быть или очень больно?

— Мне кажется, это хорошо. Потому что я нерастрченная, понимаете? Когда я играю любовь, я чувствую, что это не игра — и с моей стороны, и со стороны партнера. То есть, конечно, игра, но всегда окрашенная истинным чувством. Я даже хотела бы сыграть женщину, которую лично я внутренне бы осуждала. Я это понимаю, но в жизни, повторяю, ничего не хочу.

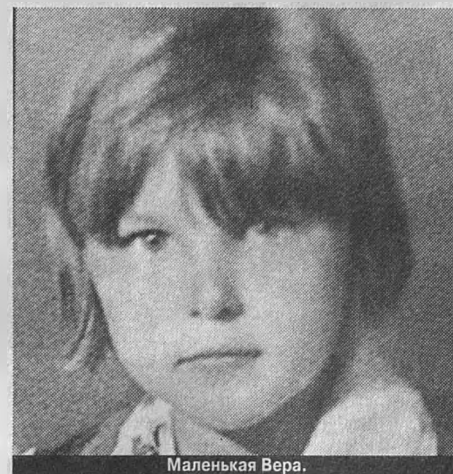
— Так бережете свое внутреннее спокойствие?

— Это не спокойствие. Просто не хочу ничего похожего на то, что было в молодости, когда я очень любила одного человека.

— Вера Кузьминична, сделаем разворот на 180°. Почему вы никогда не водили автомобиль?

— Я очень теряющаяся. Сначала я водила машину, и мне все время хотелось всем уступить дорогу — и справа, и слева. Каждому, кто бы ни ехал. Но это мой характер. Как-то мы ехали с мужем на юг, и вдруг перед каким-то мостиком на дороге выскочила коза. Я стала тормозить, но нажала не на те штуки, все заскрипело, мой муж заорал. И потом он на меня кричал: "Мы могли бы погибнуть! Что ты делаешь?" И я сказала: "Больше я не поведу". А он: "Нет, давай!!!" Я включила зажигание, а машина меня не слушается. И с тех пор я никогда не садилась за руль. Хотя жаль.

— А кроме того, что вы не рулите, о чем еще в жизни жа-

Маленькая Вера.

леете? О каких упущенных возможностях?

— Может, надо было бы преподавать. Но этого я не умею и не могу преодолеть своего характера. Сколько бы мне лет ни было и как бы я ни выглядела, я все равно буду в творчестве. И у меня есть страх: допустим, у меня сейчас четыре роли, а вдруг не останется ни одной? И мне страшно, потому что ничего нет, кроме этого. Поэтому жалею, что не преподаю, хотя понимаю: педагогика — не мое. Знаете, за всю жизнь я почти ни разу не могла посмечь подсказать. Мне кажется, что это бестактно. Или меня не послушают, а я тогда внутренне сожмусь.

— А сад-огород, например?

— Ой, терпеть не могу. Я же вообще очень ленивая. Я ничего не люблю делать. Сад требует работы, а я не люблю работать.

— Ну а готовить?

— С большим удовольствием. Но у меня нет кулинарных талантов, а муж все-таки доволен. Ни шить, ни стирать не умею.

— Значит, вы белоручка.

— Белоручка. Хотя скромный на вид человек, а жутко избалованная жизнью.

— И родителями?

— О-о, тут нет. Я все делала дома — и картошку чистила, и пол мыла, и за керосином ходила зимой, и ненавидела это страшно: руки мерзли. Но как только я снялась в кино, начала жить в отдельной комнате, то быт строила так: шла в Елисеевский магазин, покупала там семгу, лососину, икру. У меня не было посуды — в масляных бумажках раскладывала это и пила чай. В общем, я и быт трудно совместима.

— Вас это не угнетает?

— Мне нравится, что я ничего не делаю.

— Можно считать это чистосердечным признанием?

— Тут меня, по-моему, избаловал мой муж. Когда я вышла за него замуж и жила в общежитии в шестиметровой комнате, он сразу взял домработницу, и она нам готовила.

— Но многие ваши коллеги готовят, забирают детей из детского сада, а вечером несутся на сцену. Это правильно для актрисы?

— Знаете, кому как нравится. Вот мне понравилось ничего не делать. Но, с другой стороны, чувство долга у меня очень развито. Я никогда не опаздываю. Если нужно помогать родным и близким, я всегда все приношу, все делаю, чтобы было все нормально.

— Теперь понятно, почему вы так замечательно выглядите: белоручки прекрасно обходятся без пластической операции.

— У меня не было ни одной пластической операции. Но я пользуюсь кремами. Хотя однажды взяла такой лифтинговый крем, и у меня на лице скукожилась кожа. Я поняла, что лифтинг действует, но надо быть чуть моложе, а в возрасте печеное яблоко из лица получается. Вот утром просыпаешься, в зеркало посмотришь — паршивенько. Низкий каблук надеваешь — тоже паршивенько. Вот почему я иногда цепляюсь за тусовки: они заставляют подтянуться. Немного светской жизни тоже на пользу.

— Актриса гримируется перед зеркалом. Актрисе уже 80... Интересно, что она думает, глядя на свое отражение?

— Я никогда не думала об этом как о кошмарном сне. Наоборот, в детстве, в 12 лет, я нарисовала себя возле занавеса и написала: "Я в

день моего славного 25-летия сценической деятельности в роли Маргариты Готье". А потом следующая картинка: "Я в день моего славного 50-летия..."

— Простите, где вы набрались этих штампов советской печати?

— А я все время читала журнал "Рампа и жизнь". Я очень хорошо знала старый театр. Когда я поступила в Сатиру и сказала Хенкину (Владимир Хенкин — знаменитый комик. — М.Р.) об антрепренере Соловцове, он аж ахнул: "Откуда вы это знаете?" — "Я сидела в театральной библиотеке". Я знала, где какой скандал произошел, откуда уехала Глама-Мещерская, была такая знаменитая артистка...

Первой актрисой, к которой я пошла сказать, что мечтаю о сцене, была знаменитая Вера Юренева. Я пришла к ней с моей подружкой, нам было по 12 лет. Я прочла не помню что, а моя подружка — из Достоевского, из "Униженных и оскорбленных". Подружка ей очень понравилась, хотя у нее был очень некрасивый голос. А мне Юренева ничего не сказала. И неудивительно: подружка была яркая, нервная, я же — успокоенная, щечки такие пухленькие, маленькие глазки...

Я любила старый театр, любила классику, но не как ее делали в советском театре, а с вывертом, что ли. Смешно, правда, когда в рабочем ребенке возникает такое желание. Но с самого начала я не принимала жизнь такой, какая она есть. Она мне не нравилась, только не политически, а именно не нравилась, что картошку мы чистим, капусту квасим. Мама стирает, одевает красивой нет, а все перешитое. Бытовая такая, не сказать — беспросветная, но бесперспективная жизнь. А мама была темпераментная и, когда сердилась, бросалась стирать и пела: "Белой акации гроздь душистые". А папа очень кроткий был.

— И вот настало ваше славное 80-летие...

— Тогда я видела все в романтическом свете. Все как у Ермоловой, Комиссаржевской, и я всего этого хотела. И у меня действительно было очень яркое начало, а вот потом — лет в сорок пять — мне новых ролей не давали. И я считала, что моя жизнь кончается. И вот то, что меня пригласили в Тверь, в драматический театр на пригласили в Тверь, это чудо. Тут все и воплотилось: 12 лет я играла Чехова. Так что в 80 лет, если играть, то не страшно. А если ничего не играть, то очень страшно. Люди, у которых есть дети, все эмоции и силы направляют на них. А у меня есть только театр. Поэтому я так люблю спектакль "Ждать". Там про это, и очень страшно про это.

— Что будет на юбилей?

— Три шляпки — надеюсь, они произведут впечатление. А если серьезно, идея такая: люди пришли ко мне в дом, и я перелистала семейный альбом, рассказывая о чем-то. А где-то и что-то проигрывая. Из того, что я буду играть: большой кусок спектакля "Ждать", потом мы с Шурой Ширвиндом вспомним "Фигаро" и перейдем на "Орлеан"; и там, и там мы — супружеская пара.

— Он удобный для вас партнер в качестве мужа?

— Очень, потому что и в одном, и в другом спектакле он красавец супруг, который не очень-то любит свою жену. После "Орлеана" я немного вспомню свою Раневскую, Кручинину — две короткие сцены. А между отрывками выйдут наши артисты. А закончим все последней работой театра: "Нам все еще смешно". Главное — я не хочу, чтобы все было официально.

— Какое главное правило для актрисы вы вывели, прожив большую жизнь на сцене? Правило, позволяющее как можно дольше сохраниться на сцене?

— Мне кажется, я правильно жила. Я неконфликтна и драматические моменты обошла. Это страшно, когда люди идут на конфликт, чтобы доказать свою правоту. Жизнь меня убеждала не раз, что чаще всего все кончается разрывами. Может, кто-то скажет, что надо настоять на своем, показать себя. Но это была бы не я. Представьте, если бы я ушла в тот момент из Сатиры, когда у меня не было ролей, лет в 45—50, то кому бы я была нужна? Но, конечно же, меня спасли Тверь и Орел, спектакли в их театрах. Иначе я бы прокисла. И тут я считаю, что меня кто-то спасал. Может быть, мое имя — Вера?..

Марина РАЙКИНА.